Среди современников Великой Отечественной войны немало тех, кого она застала в раннем детстве, тех, кто помнит бомбежки и обстрелы, оккупацию и расправы над мирными жителями, кто никогда не забудет захватывающую все существо радость долгожданной Победы, кто прошел через трудные, голодные послевоенные годы и, несмотря ни на что, сохранил оптимизм и любовь к жизни. Беседуем с одной из жительниц Ржева, принадлежащей к поколению «детей войны», Валентиной Илларионовной Степановой.

- Родилась я в 1937 году в многодетной семье, нас у матери с отцом было пятеро: два брата, я и еще две сестры. Когда началась война, отец со старшим братом ушли на фронт, и с нами остались только второй брат, на три года старше меня, и дед. Он работал на железной дороге и однажды, уже во время оккупации, разжился спиртом из железнодорожной цистерны. Емкость с драгоценной жидкостью, предназначенной для партизан, дед спрятал в печке за дровами, не посвятив в свою тайну никого из нас. Но немцы все равно как-то узнали об этом и пришли к нам, чтобы, допросив деда с пристрастием, узнать, где он прячет спирт. Вывели деда во двор и принялись избивать;

видя, что такой метод не дает результатов, приволокли туда же нашу мать и пригрозили расстрелять ее, если дед будет продолжать упорствовать. Тот по-прежнему – ни слова, тогда мы, дети, выбежали из дома и стали кричать и плакать, умоляя не трогать маму и деда. Как ни странно, немцы оставили их в покое и ушли, а спирт впоследствии был доставлен по назначению. Но процедура «дознания» все же не прошла для нашего деда даром: через две недели он умер от побоев.

Помню я и такую страшную историю. В годы войны, тем более – немецкой оккупации жилось несладко, все были голодные, и нередко последствия голода принимали поистине кошмарные формы. Однажды двое соседских ребятишек, мальчик и девочка, ушли в гости к двум женщинам, которые пообещали угостить их конфетами. Но, едва дети зашли в дом, как хозяйки схватили девочку и бросили в подпол. Мальчику чудом удалось вырваться и спастись. Убегая, он наткнулся на немецкий патруль, который был весьма озадачен видом обезумевшего от страха, окровавленного мальчишки. Через переводчика кое-как удалось выяснить, что произошло в том доме. Немцы ринулись туда, но опоздали: в подполе уже лежала голова несчастной девочки, а ее тело было в бочке, приготовленное для холодца или чего-то подобного. Мать погибшей, узнав о случившемся, тут же слегла с сердечным приступом и больше не встала. Потом немцы судили этих женщин и повесили их вниз головой с плакатом «Людоедки» - немцы вообще любили такие штуки с разными надписями. И каждый житель города, включая детей, должен был подойти к повешенным и плюнуть на них; а провисели они так без малого три дня.

Конечно же, вышеописанный случай – ужасное исключение. В это трудное, страшное время люди старались быть добрее друг к другу, отдать последнее, чтобы помочь ближнему, особенно нам, детям. Помню, как мы с братом ходили просить еду. Редко кто из женщин не выносил нам хотя бы куска хлеба или пары яиц, даже одна, у которой сын был полицаем, не отказывалась помогать, говорила только: приходите, когда его нет дома. Вот так наберем съедобного «подаяния» и идем домой… И попробуй откусить хоть чуточку от куска хлеба, а тем паче съесть его – сразу получишь трепку от брата: не смей! А есть-то хотелось, очень хотелось. Всем.

Когда наши войска освободили Ржев, город представлял собой угнетающую панораму разрушений с немногими уцелевшими домами и выжившими жителями, среди которых, к счастью, были мы. Какое-то время после освобождения нам пришлось жить в землянке на огороде, так как в нашем доме располагался банк, позже переехавший на свое постоянное место на набережной Волги. Тогда во многих домах проживало сразу несколько семей, потерявших собственное жилье. Так было и в нашем доме: мы делили его еще с тремя семьями – как говорится, «в тесноте, да не в обиде».

Весной 1943 года у жителей Ржева появилась жутковатая, но необходимая работа – убирать покойников с улиц города и из Волги. С последним приходилось особенно трудно: женщинам и подросткам было не под силу вылавливать багром и вытаскивать на берег тела взрослых мужчин, ставшие еще тяжелее, чем при жизни. Поэтому часто мы шли на хитрость: оттолкнем мертвеца этим самым багром подальше от берега, пусть себе плывет дальше, а контролирующим работу скажем, что, мол, не смогли оттуда достать. Кстати, в тот год снега в марте уже не осталось вообще, весна выдалась необыкновенно теплой, так что на талую воду рассчитывать было нечего. И мы брали воду из Волги, оттуда, где еще недавно плавали покойники; иногда даже пили ее некипяченой. И представьте себе – никогда ничем не болели!

Действительно, наше поколение было намного здоровее нынешних. Купание сразу после ледохода считалось вполне обычным делом. И опять же без видимых последствий, разве что мать задаст жару, обнаружив на нас мокрые трусы. Но в дальнейшем мы стали поступать иначе: снимали трусы и купались нагишом, чтобы взрослым было не к чему придраться.

Самое яркое и светлое воспоминание – Победа. Даже по прошествии стольких лет я отлично помню, как в ночь с 8 на 9 мая 1945 года одна наша соседка бежала по улице и стучалась во все двери, крича: «Победа! Победа! Мы победили!» До сих пор это слово вызывает во мне радостную дрожь.

Жизнь медленно, но верно начала возвращаться в привычную колею; вернулись с фронта старший брат и отец, мы помогали соседям, особенно оставшимся без мужчин в семье, с постройкой домов-мазанок… Работали, дружили и радовались тому, что страшная война наконец позади. А уж когда отменили карточную систему и мы завели корову и прочую домашнюю живность, жизнь и вовсе пошла на лад!

В 1946 году, в девятилетнем возрасте, я пошла учиться в пушкинскую школу. Поскольку в то время возиться с длинными волосами не было возможности, в начальных классах я вместо косичек носила короткую стрижку. Одевалась очень просто, вместо портфеля носила тряпичный узелок с книжками – так тогда делали все. Только к старшим классам у меня появились модное сатиновое платье и красивая школьная форма.

Закончив «десятилетку», поступила в ленинградское училище, где изучала пожарное дело. По окончании в 1960 году вернулась в Ржев, начала работать сначала инспектором пожарной охраны, потом старшим инспектором и т.д., а в 1975 году возглавила пожарную охрану нашего города; в общей сложности на этом поприще я проработала 30 лет – с 1960 по 1990 гг.

У меня было два сына, но сейчас никого из них нет в живых: один умер от облучения после ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, другой трагически погиб в 1990-е гг. Больше 10 лет назад мои родные люди – сноха и две внучки – уехали на постоянное место жительства в Сан-Франциско, там же родилась моя правнучка, недавно ей исполнилось 3 года.

Вот и вся моя история. Может быть, немного нескладная, ну да что поделать…

Беседовала с В.И. Степановой Татьяна Сафонова.